

Евгений Черносвитов

АКАФИСТ

Григорию Распутину

Евгений Васильевич Черносвитов Акафист Григорию Распутину

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22059115

ISBN 9785448340659

Аннотация

«Акафист Григорию Распутину» – книга, в которой нет ни одного вымышленного персонажа или придуманной сцены. Она – документальна. В сюжет «Акафиста...» вплетены исторические нити. Книга с большой интригой и скрытым смыслом. Документы, использованные в книге, в большинстве взяты из семейного архива Евгения Васильевича Черносвитова, в жилах которого течет кровь князей Ухтомских и графов Новых (Новокрещеновых). Предлагаемая читателю книга является 2-м изданием, дополненным и более откровенным.

Содержание

Вместо предисловия	6
1. Разговор, подслушанный филёром Борисом Яковлевым, летом 1903 года за дверью спальни Константина Петровича Победоносцева, обер-прокурора Синода	11
2. Из архива тибетского врача Джамсарана Бадмаева: записка Илиодора о Распутине (подлинник этого письма хранится у высокопоставленной особы, близкой ко двору. Она выдаст его только для личного представления)	15
3. Биография Григория Ефимовича Распутина рассказанная им самим нижегородскому мужику Геннадию Ивановичу Шевелёву 26 января 1913 года	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Акафист Григорию Распутину Евгений Черносвитов

© Евгений Черносвитов, 2016

© Оксана Альфредовна Яблокова, дизайн обложки, 2016

Редактор Екатерина Александровна Самойлова

ISBN 978-5-4483-4065-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Распутье, распутство, распутинщина...»
(княгиня, Мария Алексеевна Ухтомская)

Вместо предисловия

Мой давнишний друг, из донских казаков, родной племянник Михаила Александровича Шолохова, уж веки-вечные проживающий в небольшом дальневосточном поселке на мысе Лазарева, где с одной стороны Татарский пролив с гуляющими по нему амурскими волнами, а с другой, сам батюшка Тихий океан, вдруг прислал мне в Москву рассерженное письмо. Он вообще-то не любитель писать, ну, так, раз в пять лет я получаю от него весточку, то поздравительную телеграмму, то открытку. А тут – письмо! На четырех тетрадных листках и мелким почерком, «Куда вы там смотрите, врачи, психотерапевты, психиатры, философы материалистические диалектики и диалектические материалисты!», – обращается он в моем лице к моим, как видно, коллегам из Всероссийского общества невропатологов и психиатров и Философского общества СССР. Да, именно так он начал.

«Что ждатель от нас, глубинки, когда столица с завихрениями от инопланетян и барабашек, типа Чумака и Кашпировского...» И все письмо только об этом, «нахальном, примитивном, агрессивном шарлатанстве», овладевшем средствами массовой информации, «обалдеваешь, когда видишь эти китайские тени в мертвом свете телеэкрана, вычурно принимающие позы то Христа, то фюрера...» Анатолий Журавлев

(так имя моего друга) сам врач, хирург. Во всех районах, прилегающих к Николаевску-на-Амуре, имя его хорошо известно, не одному человеку жизнь спас, а здоровье вернул за долгие годы своей медицинской практики, тысячам. Личность он, разносторонних дарований: и дом его, своеобразный краеведческий музей, и кабинет его в этом доме, кино-фотолаборатория, оснащенная великолепной аппаратурой (он лауреат многих конкурсов любительских кинофильмов). «Покажи мое письмо кому следует, – настаивает мой друг, – не за себя прошу, за нас всех!

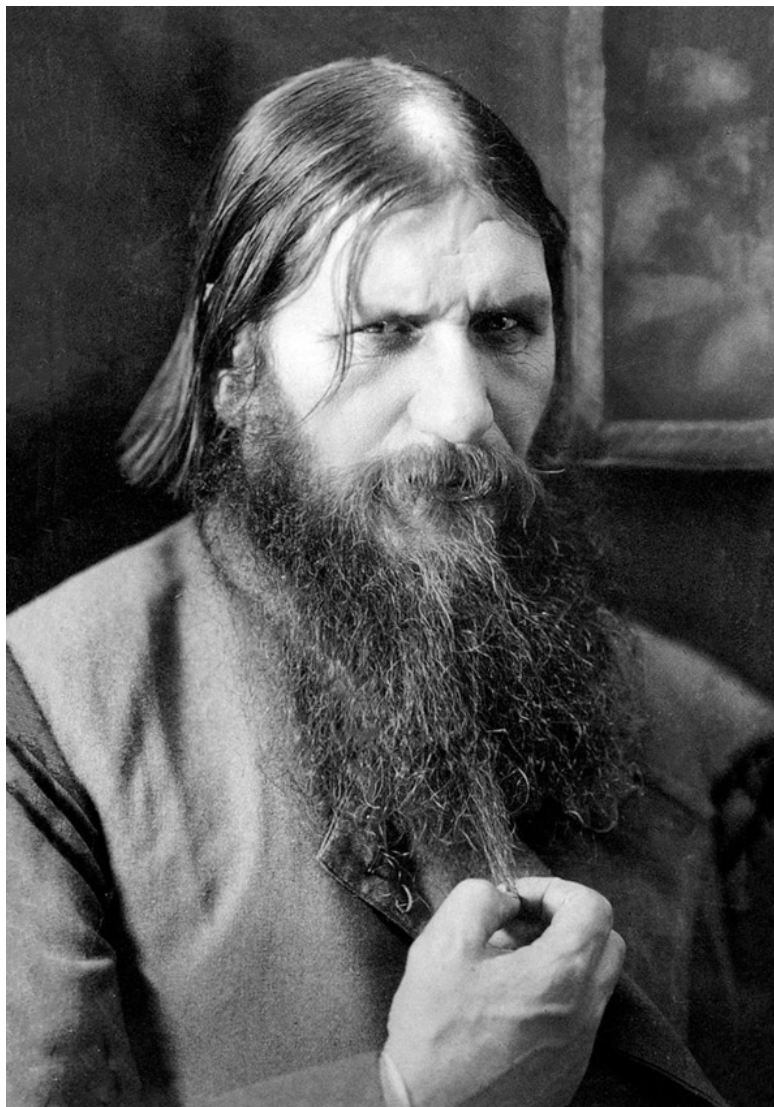
Прекращайте этот балаган, это средневековое всесоюзное радение... Стыдно! Кости шаманов амурских гремят от стыдобухи в своих песчаных могилах, и их ремесло порочится, не только наше с тобой, эскулапово!»

В 1963 году я, тогда ещё начинающий психиатр-психотерапевт, поступил учиться на кафедру психотерапии Центрального Ордена Ленина института усовершенствования врачей (ЦОЛИУВ) в качестве клинического ординатора и одновременно в заочную аспирантуру на кафедре диалектического материализма философского факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. Вот по совету выдающегося советского психотерапевта Владимира Евгеньевича Рожнова (тогда и ныне заведующего кафедрой психотерапии ЦОЛИУВ-а) я и начал тогда собирать «архив Григория Распутина». Завел на него, значит, «дело».

Письмо А. Журавлева явилось для меня толчком для при-

нятия решения – «пора!»»

Пора написать акафист Григорию Распутину. Великому, непревзойденному **нетрадиционному**... духовнику.

Г. Е. Распутин

(Все фотографии, представленные в книге, кроме фотографий А. В. Колчака, из архива княгини Марии Алексеевны Ухтомской-Новых (Новокрещенивой)).

1. Разговор, подслушанный филёром Борисом Яковлевым, летом 1903 года за дверью спальни Константина Петровича Победоносцева, обер-прокурора Синода

Еще твердый, но уже с явными старческими нотами голос Константина Петровича: «Александру я понимаю. Царина женщина правильная, России нужен наследник престола. От четырех девчонок впадешь в отчаяние. Она постоянно чувствует себя беременной мальчиком. „Алексей, сыночек!“, – не сходит с её уст. Ах-мы... И что только не перепробовали... лейб-акушер придворный хмурится, зачем везли в Париж к этому колбаснику Низьяру Вашолю, зачем его здесь, в Петербурге одаривали и деньгами и чинами, только позор на всю Европу, мнимая беременность Александры Федоровны. Шенк этот, из Вены магнетизёр, ну чем он лучше Оськи Фельдмана, Опять же деньги, опять же слухи...»

Приятный, совсем юный голос супруги Победоносцева: «Замысел, может быть и хорош. Да, императрица внушаема и хистерична. Но каков должен быть этот спектакль в са-

ратовских луговинах? Сколько людей должно участвовать?! Если бы жив был Дмитрий Сергеевич...»

«Да, нынешний министр внутренних дел не масштаба Сипягина...»

«Да и Николай II не твой Александр-император».

(Обер-прокурор Синода был человек талантливый в своей области, имел научные труды, которые высоко ценили в Европе, но самое главное, Константин Петрович имел безграничное влияние на Александра III и собственно определял его политику последних 3 лет, сейчас он был готов на любую авантюру, чтобы восстановить свое, заметно пошатнувшееся положение при дворе Николая II.)

«Одними филерами здесь не обойтись, от Петергофа до Арзамаса дорога длинная, а ведь вся должна быть заполнена... ха-ха... жаждущими исцелиться, придется вывозить из богаделен...»

«Ловко придумано, чья идея?»

«А кто знает? Не впервой вывозить сырых и убогих, привезешь, поставишь или посадишь на землю, и ждет горемычный, пока не заберут обратно и позу-то в какой оставишь, не меняет, все бубнит – „чудо!“, „чудо!“ или – „подайте Христа ради!“. Для Саратовского чуда нужно побольше калек безруких-безногих и всяких исковерканных подобрать, для общего колорита. А паралитиками, слепыми, глухонемыми и бабами бесплодными филеры наши, петербургские, будут. Феофан обещал с десяток смышленных ребятишек подки-

нуть, выздоравливающие на глазах детки – это впечатляет!»

«Народу может оказаться больше, чем вы думаете, валом повалят из ближайших сел... Помнишь, родной, как тогда, в Казани?»

«Это только кажется, что сами повалили, прослышав про чудотворца-лекаря... Ты недооцениваешь роли кликуш, организовавших это паломничество, они ведь все на службе в жандармском управлении!»

«Ну, так уж все?»

«Все, голубушка, все!»

«Что, и Николай в этом спектакле будет участвовать?»

«А что ему остается? Наследник нужен престолу, не Михаилу же отдавать корону? Гроб понесет с останками Серафима».

«Пошто так далеко? Можно было бы и в окрестностях столицы устроить действо?»

«Мизансцена нужна соответствующая, степь-ковыль, луна-полынь, а самое главное – озеро, поросшее камышом, Серафим похоронен в Сарово. Все остальное разыскали ближе к Саратову. Александру ночью повезут из Арзамаса в сторону Саратова и как бы случайно обнаружат озеро, где в полнолуние она и будет купаться... Несколько верст Николаю придется тащить гроб со святыми мощами на себе, несчастный!»

«Тряхнете казну!»

«Цель оправдывает средства, как говорили при дворе Ка-

терины Великой.»

«Владыка освятит?»

«Сотня его агентов уже на месте.»

(30 июля Александра Федоровна приняла купель в степном озере в полнолуние, как раз на полпути от Арзамаса к Саратову. 3 месяца она неистово молилась и делала добро. Затем зачала. 30 июля 1904 года она родила цесаревича и нарекла его Алексеем. Серафим Сарский был канонизирован. «Исцелившихся» в Арзамаских степях, как писали потом газеты, было несколько тысяч. В тот год население России пополнилось исключительно за счёт ранее бесплодных, рожали даже старухи. Степное озеро, где произошло чудо, вскоре, зарыли. Находилось оно как раз на распутье почтового тракта от Арзамаса к Саратову и Самаре. В 10 верстах от него была маленькая деревенька, жителей которой так и именovali – Распутины. Отсюда родом была мать нашего главного героя – Пелагея. Но об этом дальше).

**2. Из архива тибетского
врача Джамсарана Бадмаева:
записка Илиодора о Распутине
(подлинник этого письма
хранится у высокопоставленной
особы, близкой ко двору.
Она выдаст его только для
личного представления)**

(Иеромонах Илиодор. В миру Сергей Труфанов, из Донских казаков. Природа наделила его прекрасной внешностью – высок, статен, громадные карие глаза, редкие усы и бородка, длинные волнистые волосы захватывал в косичку, плечи имел тяжелые, но покатые огромную физическую силу хранили его буйволородные мышцы, большой, но быстрый и резкий в движениях, в мыслях имел сплав идей христианства и военного коммунизма. В судьбе Григория Распутина сыграл значительную роль).

В начале 1904 года в академии (Петербургской духовной академии – Е.Ч.) заговорили, что в Сибири есть пророк. Звать его Григорий Ефимович Он скоро приедет. Особенно ждали его отец Феофан (архимандрит, магистр богословия и инспектор Петербургской духовной академии, владыка – Е.Ч.) и епископ Сергей (ректор Петербургской духовной академии). В мае он прибыл. Остановился у отца Феофана. «В первый раз встретил я Гришу в коридоре академии. Он сказал мне: «Ты круто (хорошо) молишься». Тогда мне Гриша не понравился. Он был некрасивым, грязным мужичком. Я инстинктивно почувствовал к нему отвращение. С этого времени я его не видел. Слышал только, что он с отцом Фе-

офаном бывает у Милицы Николаевны (великая княгиня – Е.Ч.) и царя с царицей. Я на это не обращал внимания и вообще этими вещами очень мало интересовался.

Через два года я служил на Волыни. Однажды архимандрит Антоний (Храповицкий, епископ волынский – Е.Ч.) говорил про Гришу, что он в Казани ездил к одной женщине, его захватили (купчихе Яблоковой – эта история будет рассказана дальше – Е.Ч.) Этому сообщению я не придал значения, ибо мало интересовался личностью Гриши. В марте месяце меня погнали из Царицина в Минск, запретили священнослужение (за пропаганду и некоторые попытки реализации его идей – Е.Ч.) В субботу на страстной я приехал к отцу Феофану. Здесь встретил Гришу. Он был чище, одет был в шелк и дорогое сукно. Когда епископ Феофан (Илиодор повышает в сане владыку – Е.Ч.) мой духовный отец, отказался за меня ходатайствовать перед царем, я попросил Гришу. Он охотно согласился, и через день мне из Царского по телефону сказали, что я буду в Царицыне. Говорила Вырубова (Анна Танеева – потомственная дворянка, зловещая фигура при дворе Николая II, нянька царевича Алексея и подружка Александры Федоровны, весила свыше 7 пудов, ходила на двух костылях, но везде поспевала первой. С Григорием Распутиным была в «доверительных отношениях» – Е.Ч.) Гриша в этот раз устроил мне свидание с царицей. В этот раз я познакомился и с Лохтиной) генеральша, приближенная Александры Федоровны – Е.Ч.)

Гриша показался мне странным, хитрейшим, скрытным человеком, а Лохтина глубоко верующей женщиной. Вырубову я почитал красивым куском мяса, но почувствовал, что в этом куске сидит здоровый человек себе на уме. Я уехал в Саратов, а потом, когда пришел указ Синода – в Царицын. В начале ноября этого же 1903 года в Царицын приехал владыка Гермоген и с ним Гриша. Гриша везде по городу ездил с владыкой. Народ начал говорить, что владыка ездит с жуликом. Я начал внушать народу, что Гриша великий человек, он благодетель наш, он бывает у царей и т. д. Народ мне верил. Владыка уехал в Саратов, Гриша остался и заставил ездить вместе с ним по моим почитателям. Везде принимали Гришу, как ангела божия. Кланялись ему в ноги. Целовали руки. Называли отец Григорий. Целовали руки и простые люди и образованные. Гриша охотно целовал в каждом доме молодых красивых женщин и девушек, а старых от себя отталкивал. На это никто тогда не обращал внимания. Гриша у меня исповедовался. Грехов не говорил, хотя я спрашивал, а только сказал: «Что я буду делать, когда царица меня шугнет от себя». Эта фраза и некоторые другие дали мне понять, что против него около царицы собирается кампания. Он мучился, но мне прямо ничего не говорил. В этот приезд в Царицын он на одной монахини девице радел четыре часа. Об этом я узнал через три-четыре месяца. В конце ноября я с ним поехал в село Покровское – его родину. Ехали в первом классе. За всю дорогу он меня ничем не удивил, хотя

со всей тщательностью хотел увидеть в нем что-либо чудесное, выдающееся. Говорил все больше о женщинах. Мне сказал: «Ты – счастливый, под тебя ляжет любая из тех, которые за тобою бегают».

Я от этих слов очень смутился и усомнился в праведности Гриши.

Дорогой он мне говорил о царе с царицей, о наследнике, о великих княжнах, говорил он следующее: «Царь меня считает Христом. Царь, царица мне в ноги кланяются, на колени предо мною становились, руки целовали. Царица клалась, что если от Гриши все отшатнутся, она не поколеблется, но вечно будет считать его своим другом. Я царицу на руках носил. Давил прижимал, целовал... Все дети на мне верхом ездили». И многое другое не так важное.

Слушая все это, я пред Гришей благоговел. Приехали в Покровское.

Я начал проверять жизнь Гриши. Гриша живет богато, имеет прекрасный дом. В доме дорогие ковры, иконы, портреты и разные вещи-подарки царских особ. Гриша роскошно одевается. Мужики считают его за ничто, священники его ругают и меня после называли мошенником за то, что я с ним связался. Архиерей тобольский был против него, Все считали его жуликом, хлыстом большим распутником и дураком. Я недоумевая, соблазнялся, но разочаровываться не хотел. Мне больно стало. В доме у него жили две подозрительные девки. Один раз они хотели лечь со мною в одной комнате,

но я этому воспротивился. Уж после я понял, что Гриша хотел сделать меня хлыстом (хлысты – секта духовных христиан, вышедшая из православия. Верят в воплощение святого духа в живых людях – «христах», «богородицах», отвергают духовенство и многие обряды. На радениях доводят себя, до экстаза, галлюцинаций – Е.Ч.), связать меня хотел... Гриша в это время мне много рассказывал про то, как он с Вырубовой и другими женщинами ходил в баню, что у него не действует детородный член, что он бесстрастный, как он радел с Вишняковой, нянькой царских детей, Ленкой и другими, как они в келье отца Макария, в Верхотурье, голыми ногами обнимали его голову, руки, ноги, как он вместе с ними спал, как Вишнякова рвала на себе волосы из-за того, что ей не пришлось лежать бок-о-бок с Гришей и т. д.

Я слушал и соблазнялся и думал: «Вот так святой».

Гриша спрашивая меня: «Ну, что, как соблазняешься?»

«Да, – отвечал я, – считаю эти поступки в высшей степени странными. Я никогда этого допустить не могу».

Гриша от этого смущался и на время уходил в себя, задумывался, умолкая. В это время он просил денег у Милицы и Анастасии Николаевны, но они отказали. Гриша говорил, что потому отказали, что от Милицы Николаевны отбил доктора Вельяминова. Гриша показал мне целый узел писем к нему царицы, великих княжон, Анастасии и Милицы Николаевны. Я попросил у него письмо царицы и по одному великих княжон. Гриша дал. Эти письма сейчас хранятся у ме-

ня в Царицыне. Письмо царицы в высшей степени страшное. Почти любовное.

Уехал от Гриши я и думал: «Он не святой. Он злой, самолюбивый, своекорыстный, тщеславный, любит хорошо одеваться, богу не молится, с женщинами свободно обращается и безобразничает. Привозил меня к себе, чтобы соседи лучше на него смотрели, раз он с порядочными людьми знается. Для этой цели он затягивал к себе и епископа Феофана и дам высшего света».

Я уехал от Гриши весьма поколебленный в его достоинствах.

В январе 1910 года его начали травить в газетах. Писали на него весьма срамные вещи. Епископ Феофан через отца Вениамина (иеромонах, доцент духовной академии — Е.Ч.) просил меня бросить Гришу, но я его защищал. Газетам не верил, ибо Гриша мне писал, что на него епископ Феофан и отец Вениамин клеветают от зависти, что он ближе их стоит к царю. Я верил Грише и распинался за него.

Мне за него досталось от Столыпина. Вскоре я узнал про радения Гриши с монахиней. Я почувствовал к нему отвращение, перестал защищать его, но не отталкивал от себя, так как боялся, ибо он был в силе у царя, и к тому времени и Феофан пострадал через Гришу. Его, как говорил Гриша, царица выгнала от себя, когда он начал говорить про Гришу неподобающее, и вскоре его перевели в Тавриду. Гриша очень злился на Феофана, писал ему и говорил всегда: «Я ему по-

кажу».

Я же думал: «Разве святому можно так злобиться?»

Когда шум газетный утих, в мае 1910 года я приехал в Питер. Приехал и Гриша. В доме Танеева (отца Вырубовой – Е. Ч.) я видел следующее: Гриша разговаривал с Вырубовой, все время гладил ее груди, потом Вырубова поклонилась ему до земли, много раз поцеловалась с ним, поцеловала его руки и ушла. Гриша сказал мне: «Видел» и прибавил: «Ну, вот так и цари ко мне относятся, да еще похлеще, и кланяются, и руки целуют».

Гриша не договорил. Вообще Гриша очень осторожно открывал картину отношений; к нему царей. Но я понимал, что в этих отношениях есть много таинственного. В марте 1911 г. уехал Гриш на Афон или Иерусалим отмаливать свои какие-то тяжкие грехи. Около этого времени меня погнали в Новосиль. Потом я остался в Царицыне. Здесь Гриша мне нисколько не помог, хотя Лохтина к другие последовательницы Гриши старались доказать, что милость царицы ко мне – дело Гриши. Вообще ученицы Гриши старались поддерживать его авторитет. В июле 1911 г. Гриша приехал в Царицын. Народ за ним уже не бегал и от него отшатнулся. Карточку его отрезали от меня и от владыки. Гриша огорчился и на меня. Гриша выхлопотал на Саровское паломничество (начавшееся, как выше стало известно, в июле 1903 года – Е. Ч.). Он заставил меня торжественно с народом проводить его из Царицына и поднести ему дорогой подарок и цветы.

Я все это сделал, ибо боялся Гриши. Гриша уехал. По пути заехал к владыке (Гермогену – Е.Ч.). Владыка принял его холодно. Высказал свой взгляд на него. Гриша был удручен, вообще он дорожил дружбою с нами и этою дружбою прикрывался при дворе.

В декабре 1911 года я приехал в Питер к владыке, приехал из Ялты и Гриша. Из Москвы он прислал телеграмму заискивающего характера. Мне сказали, что ходят в свете слухи, что Гриша живет с царицей. Эти слухи подтвердил и Митя (Юродивый Митя Козельский – Е.Ч.). Я возмутился и сказал: «Я его больше всех защищал, я его и погублю».

Я отвез Гришу к владыке. Владыка заклинал Гришу не ходить без его и моего благословения в царский дом. Митя начал браниться и хватать его за член, Гриша обещался с клятвою перед иконою с мощами не ходить к царям. Свидетели этому я и Ив. Ал. Родионов (сотрудник «Нового времени» – Е.Ч.). Об Орлове (генерал Александр Афиногенович Орлов – приближенный Александры Федоровны – Е.Ч.) никто не упоминал, о наследнике тоже. Гриша испугался, и его отпустили. Он пожаловался в Ялту. Говорил: «Митю нужно прибрать, а владыке достанется за то, что он так про царицу говорил, будто она живет со мной».

Я почувствовал, что дело плохо кончится. Недаром я настаивал после заклатья не упускать Гришу, а правде убедить царей, что Гриша не Христос и не праведник, а подлец и развратник.

Владыка меня не послушал и сказал: «Запрещаю вам иметь дело с Гришей, если будете с ним возиться, я отказываюсь от вас, живите с ним». При этом владыка плюнул.

Я сказал: «Владыка, я повинуюсь, но вам и мне придется из-за Гришки пострадать». И пострадали...

Саблер (обер-прокурор Синода) и Даманский (помощник Саблера – Е.Ч.) ставленники Гришки. Гришка говорил, что Саблер поклонился ему в ноги за то, что, он сделал его обер-прокурором. Епископ Варнава ставленник Гришки. Варнава 21 января выезжал в Царское Село.

Мое мнение о Гришке таково: «Он хлыст, развратник, неисправный, его нужно удалить от царей и наказать за то, что, будучи развратником, он так нагло считал себя праведником и лез к царям. Если Гришка не будет теперь удален и запрятан, то царский престол опрокинется, а Россия погибнет».

Это написал иеромонах Илиодор 25 января 1912 г.

У него же находим: «У Гришки есть жена. Женщина она добрая, но скрывает, ради корысти, шалости Гришки. Священник из села говорил мне что она много раз вытаскивала за косы из своего дома девок, с которыми жил Гришка. Он же от этого упорно отказывался, говоря, что этого ничего не было».

У Гришки трое детей: Матрена-16 лет, Митя-... (здесь какая-то описка в подлиннике – Е.В.) лет, Варя-12 лет. Митя мальчик блудливый, развратный, сквернослов. Матрена-де-

вочка наглая, отвратительная, учится в Питере в институте, учится музыке и танцам.

Григорий, по словам односельчан, жил сначала бедно, и все считали его дураком. Сам он о себе говорил: «Я был пьяница, табакур, потом покался, и вот видишь, что из этого вышло».

Григорий Распутин и Илиодор.

3. Биография Григория Ефимовича Распутина рассказанная им самим нижегородскому мужику Геннадию Ивановичу Шевелёву 26 января 1913 года

(Желающих проверить истинность автобиографических данных Г.Е.Распутина отсылаем к книге Илиодора «Святой черт», к обширным дневникам одной из первых петербургских поклонниц Распутина О. В. Лохтиной, а также к воспоминаниям о нем его верной подруги А. А. Вырубовой (Издательство «Земля и фабрика», 1923, 1924 гг.) и к запискам, председателя 3 и 4 Государственной Думы, председателя временного комитета Государственной Думы в 1917 г. М. В. Родзянко, выпущенным в свет под заглавием «Крушение империи»).

...Достигнув возраста Христа, Григорий Ефимович почувствовал, что в него вошел дух пророка Серафима Сарского – последнего покровителя Романовых, скончавшегося сразу после казни мятежников 25 года в своей Саровской обители. Тогда Распутин пошел в столицу и прибыл туда

в день рождения цесаревича Алексея, ибо знал, что должен постоянно находится при нем. Александра Федоровна узнала Григория Ефимовича. Она видела его во сне, ночуя у могилы Саровского чудотворца...

...Родители у Григория Ефимовича были староверами, жили семьями в небольшом селении Саратовской губернии на почтовом тракте у развилки (распутья) от Арзамаса к Самаре и Саратову и приходились друг другу двоюродными братом и сестрой. Старая вера запрещала браки со стороны. По линии отца Ефима, все были Развилкины, или просто Вилкины (но не от слова «вилка», на этом Григорий Ефимович настаивал). По линии матери, Пелагеи, Распутины (что, собственно, тоже самое, что и Развилкины, но для того лишь, чтобы как-то разделять находившиеся в кровном родстве семьи). «Семейские» по-прежнему плевались при слове «Никой», называли этого патриарха Никитка, считали, что ведут свой род от Аввакума Петрова Огненного. В каждой семье свято хранилась какая-нибудь вещичка Аввакума. Так, у Развилкиных – ложка, у Распутиных – кружка. Раз в три года ходили в Пустозерск, где последние 15 лет прожил в землянке Аввакум и где он был сожжен по указу царицы Софьи.

Из царей старообрядцы почитали Петра Великого за то, что он сверг свою сестричку Софью и заточил ее в Новодевичий монастырь и за то, что znalся с раскольниками. А также Александра III, который, якобы тайно был поповцем (раскольником – Е. Ч.) и подготовил указ о прекращении пре-

следования старообрядцев. Николай II получил этот указ готовым и лишь утвердил его в 1906 году.

Детей в семьях раскольников рождалось много, делали это сознательно, несмотря на то, что постоянно были в великой нужде и в страдании по причине своей веры. От кровосмешения рождалось много больных детей-«выродков», которые и умирали, не достигнув 15 лет по слабости легких или от заворота кишок. Но рождались и юродивые, и «христы» с «богородицами» (здесь автобиограф, по нашему мнению, умышленно отождествляет хлыстов с их верой в земных «христов» и «богородиц» со старообрядцами, на самом же деле хлысты отделились на сто лет позже раскольников, как секта и ничего общего с ними не имеют – Е. Ч.). В семье Григория Ефимовича Лавруша, старший сын был «выродком» и умер, действительно не дожив до 15 лет, правда, уже в Сибири простудившись. Сестричка Григория Ефимовича Марьюшка страдала падучей и утонула в проруби во время припадка («юродивые» часто страдали «падучей» – Е. Ч.). Григорий Ефимович познал в себе великое призвание спасти и миловать наследника русского престола, достигнув божественного возраста.

Когда готовилось послабление по отношению к старообрядцам «наверху» (указ Александра III – Е. Ч.), «внизу», на местах, преследование их ужесточилось. Владыки и исправники злобствовали усердно. Семья Григория Ефимовича вынуждена была подняться с благодатных саратовских зе-

мель и двинутся крестным путем Аввакума в сторону Тобольска. Шли вдоль рек. Путь был тяжек, но староверы народ крепкий и духом и телом, все выдюживали. Прошли реку Тагил, повернули на восток, туда, где Ермак воевал. Остановились недалеко от Тюмени (раскольники всегда селились на окраинах деревень и городов – Е. Ч.). Срубили церковь Пресвятой богородицы – Покровскую. Так возникло село Покровское, близ Тюмени (с семьей Григория Ефимовича приехали и другие семьи). Местные жители, как полагается, сторонились поселенцев, относились к ним настороженно. Последние в свою очередь также в дружбу к местным жителям не лезли. Староверов-переселенцев из центральных районов России на Урале и в Сибири издавна называли «Новые» или «Новокрещеновы» (от появления вместе с ними новых церквей, и новых крестов на погостах – Е.Ч.)...

...Впоследствии, когда Григорию Ефимовичу пришлось выбирать себе фамилию, между «Вилкиным» и «Распутиным», он выбрал фамилию матери (ну, какой я «вилкин», – сказал он исправнику, – скорее «топорков» или «штопорков»), но так и остался «Новых», по прозвищу.

Как все староверы, отец Григория Ефимовича был человеком трудолюбивым, упорным в работе и грамотным (иначе не выживешь!). Вскоре, в Покровском он стал церковным старостой, а затем и волостным старшиной. Дом у него был самый богатый в округе. Держался он независимо, осознавая свою правоту и духовную силу. Как грамотному, к нему вы-

нуждены были постоянно обращаться местные жители. Хорошо знали его во всей губернии. За эту независимость и самостоятельность и еще за то, что вина не пил и табак не курил, невзлюбили его местные мужики. Как-то мужики собрались, хорошенько выпивши, и большой толпой ворвались в избу Ефима, избili его до полусмерти, переломав хребет и ребра. От побоев отец Григория Ефимовича вскоре скончался. «Пострадал за веру», так сказал о нем Распутин...

...Гриша рос мальчиком любознательным, но недоверчивым, склонным с раннего детства ко всяким наблюдениям и думам. Тянулся к таинственному, хотел хорошо понимать людей и животных. Часто, задумавшись, мог замирать в одной позе надолго. Людей это пугало, особенно, если он ничего не говоря, впивался в них своими черными, пронзительными, как буравчики, глазами: «А я в то время думал, все думал», – пояснял Распутин. Родители относились к нему со вниманием и всячески поощряли гришино духовное развитие. Мальчик мог месяцами не выходит из избы, а затем, внезапно появляться там, где люди собирались, будь то церковь, трактир или лечебница. С большим уважением относился с детства Гриша к врачам.

В молодость Гриши лекарей в России было не много, один на 2—3 уезда. А лечебниц в Сибири, одна на 100—300 верст в округе, ибо тогда «вопрос о пользе врачей оставался спорным». Крестьяне со всеми недугами и травмами шли в церкви или монастыри, но чаще к бабкам и знахарям.

Таковых в Российских деревнях было предостаточно, лечили настоями, порошками и заговорами. Гриша ходил ко всем в своей округе, зайдет в избу, встанет на пороге и молча наблюдает за лечением. Его все знали и на его появление не реагировали. Гриша никогда никого ни о чем не спрашивал, наблюдал и вникал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.